

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 39

DOI 10.17223/19988613/36/18

М.З. Хабибуллин

НАРОДЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В РАКУРСЕ ИСТОРИКО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯКОВА ДМИТРИЕВИЧА КОБЛОВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Державный (имперский) дискурс по национальному образованию народов Поволжья и Приуралья в конце XIX – начале XX в.», проект № 14-11-16015 а/В/ 2015.

Изучение деятельности и научного наследия общественного деятеля, противомусульманского и противоязыческого миссионера Казанской епархии, богослова, педагога, выпускника Казанской духовной академии Якова Дмитриевича Коблова представляет большой научный и практический интерес. Исследуя историю татарского конфессионального образования, развитие ислама у татар и язычества у марийцев, роль мусульманской общины, духовенства, вопросы исламоведения, он внес значительный вклад в изучение истории и этнографии тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья. В основу исследования легли новые архивные материалы и источники, позволившие автору дать комплексную оценку проблемы.

Ключевые слова: Я.Д. Коблов; Казанская духовная академия; этнография; народы России; миссионерские отделения.

В последние десятилетия в России, в связи с усилением национального компонента, актуализировалась проблема развития профессиональных компетенций в решении межконфессиональных проблем, межнациональных конфликтов и снятия напряженности. Все большее значение приобретают гуманитарные науки, связанные с изучением этнических свойств и явлений, национальных структур и отношений. Изучение истории, этнографии, культурного наследия и языков народов и народностей России приобретает важное теоретическое и практическое значение. Все чаще внимание ученых, политиков обращено к проблемам историко-этнографического характера, к процессам культурного развития России в дореволюционный и советский периоды. В этом отношении обращение к опыту крупного научного, учебного центра России – Казанской духовной академии – представляется очень важным и актуальным явлением. И это не случайно, поскольку именно здесь во второй половине XIX – начале XX в. проводились научные исследования по изучению истории, этнографии, культуры и языков финно-угорских, тюркских и монгольских народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Преподаватели единственных в России миссионерских отделений профессионально изучали историю и учение христианства, ислама, буддизма, языческие верования народов и народностей.

Необходимо отметить, что исследование религиозных систем и языков нерусских народов приобрело здесь особенности, свойственные «казанской школе» с ее практической миссионерской направленностью. Выполняя государственный заказ по проведению широкомасштабной миссионерской политики на основе русского языка и православия, преподаватели и выпускники академии сумели выработать только присущие ей методы и приемы исследования, создать интересные труды по истории и этно-

графии. Именно здесь реализовывались на практике новые идеи и формировалась плеяда талантливых ученых, среди которых необходимо выделить Н.И. Ильминского [1], Е.А. Малова [2], Н.П. Остроумова [3], М.А. Машанова [4], П.К. Жузе [5], Я.Д. Коблова [6] и др. Как отмечал российский исламовед, профессор Кельнского университета Марк Батунский, студенты, выпускники и преподаватели миссионерских отделений Казанской духовной академии «являлись первыми в России профессиональными миссионерами-исламооведами» [7. Р. 261].

Несмотря на то что давно существовала нехватка высшего религиозного учебного заведения, которое осуществляло бы подготовку священнослужителей и преподавателей, Казанская духовная академия были открыта лишь в 1842 г. [8. С. 3]. С 1818 г. Казанский учебный округ находился в ведении окружного правления Московской духовной академии. Тогда были открыты три духовные академии: в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге. Казань включили в Московский округ, а Казанскую духовную семинарию (1797–1818) закрыли. Игнорирование Казани как важного учебного центра сразу же повлекло за собой большие проблемы. Казанский округ имел огромную территорию, в нее входили Казанская, Нижегородская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская, Вятская, Пермская, Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии и Якутская область. Этот округ занимал громадное пространство почти в 200 000 кв. миль с 12 духовными семинариями (Казанская, Нижегородская, Симбирская, Пензенская, Тамбовская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская в г. Уфа, Вятская, Пермская, Тобольская и Иркутская), 38 уездными и 42 приходскими училищами, из которых камчатское училище, составлявшее крайний пункт округа, располагалось от Москвы почти в 12 000 верстах.

Одной из самых главных причин открытия Казанской духовной академии в 1842 г. для правительства и высшей церковной власти стало «желание научно осветить сложный инородческий вопрос в России и выработать рациональные меры к сближению многомиллионного инородческого мира с коренным населением империи на почве религии и культуры» [9. С. 634]. Среди других функций академии А.А. Царевский называл воспитание будущих пастырей церкви, борьбу с расколом в православии и «проповедование Евангельского учения» между многочисленными «иноверцами» Восточной России и Сибири [10. С. 209]. Но ее самой важной прерогативой, безусловно, было изучение языков нерусских народов России для ведения среди них активной миссионерской деятельности. Для выполнения данных задач необходимо было создать условия по подготовке специалистов, хорошо владеющих знаниями по истории, этнографии, культуре, лингвистическим особенностям языков финно-угорских, тюркских и монгольских народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Многие из перечисленных обязанностей были возложены на миссионерские отделения Казанской духовной академии [11. С. 5]. Руководство академии, определив наиболее распространенные языки у нерусских народов, проживающих на территории Среднего Поволжья и восточных окраинах Российского государства, открыло в 1845 г. две кафедры: 1) турецкий, татарский и арабский языки и 2) монгольский и калмыцкий языки [12. Л. 1]. А в начале 1854/55 учебного курса произошло открытие единственных в России миссионерских отделений: «Иноверцы и язычники, находящиеся в Епархиях Казанского духовно-учебного округа, трех родов: а) татары, б) народы монгольского племени, в) чуваша, черемисы и вотяки. Все сие племена говорят разными языками и имеют каждый свои собственные заблуждения в отношении к вере: посему 1) Необходимо открыть при Казанской духовной академии три параллельные миссионерские отделения для образования наставников Семинарий и миссионеров, имеющих действовать на а) татар, на б) монгольское племя и на в) чуваш, черемис и вотяков. 2) В сии отделения должны быть помещаемы те студенты высшего и низшего отделения, которые изъявляют желание быть по окончании Академического курса или миссионерами или наставниками» [13. Л. 39].

Таким образом, в академии были открыты 4 миссионерских отделения, это: 1) противораскольническое, 2) противомусульманское, 3) противобуддистское и 4) черемисско-чувашское. С этого времени можно говорить о специфической миссионерской направленности образования Казанской духовной академии по сравнению с другими аналогичными академиями.

Миссионерские отделения за весь период своего существования (1854–1920) подготовили большое количество миссионеров, священнослужителей, ученых, специалистов по истории, этнографии и языков финно-

угорских, тюркских и монгольских народов России. Преподаватели миссионерского противомусульманского отделения Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков, Е.А. Малов, В.Т. Тимофеев, Н.П. Остроумов, М.А. Машанов занимались изучением истории, этнографии, культуры, языка народов Среднего Поволжья и Приуралья, организацией учебно-воспитательного процесса в начальных школах и духовных семинариях, разработкой эффективных педагогических концепций, проведением педагогических съездов для учителей и подготовкой квалифицированных специалистов для ведения просветительской деятельности и изучения ислама, буддизма и религиозных верований.

Среди выпускников миссионерского противомусульманского отделения выделяется богослов, общественный деятель, педагог Яков Дмитриевич Коблов (1876–?). Являясь учеником Е.А. Малова и М.А. Машанова, он связал свою деятельность с изучением тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья. В его трудах рассматривалась история татарского конфессионального образования, развитие ислама у татар и язычества у марийцев, роль мулл, вопросы исламоведения и др.

В 1900–1908 гг. Я.Д. Коблов работал казанским противомусульманским и противоязыческим миссионером Казанской епархии, в 1908–1914 гг. – инспектором народных училищ Казанского уезда Казанской губернии, с 1914 г. – Киевского учебного округа.

Послереволюционную деятельность Я.Д. Коблова в какой-то степени удалось проследить О.В. Чикуровой [14. С. 251–257]. Она полагает, что события 1917 г. заставили Я.Д. Коблова покинуть Киев и вернуться в Казанскую духовную академию. В 1919 г. ученому пришлось уехать на Дальний Восток. В 1920–1921 гг. он состоял в должности профессора философии историко-филологического факультета Государственного дальневосточного университета и преподавал историю педагогических учений, общий курс педагогики, психологию воли. По инициативе Я.Д. Коблова здесь была создана кафедра педагогики, которая занималась подготовкой педагогических кадров с учетом местных условий и потребностей. В 1921 г. Я.Д. Коблов обращается к руководству университета с просьбой о переводе его на кафедру педагогики: «Так как по характеру исполненных мною работ и работ намеченных я занимаюсь преимущественно в области педагогики в широком смысле этого слова, в ней проходит моя специализация, и в настоящее время я читаю исключительно дисциплины педагогические» [Там же. С. 252–253].

Руководство удовлетворило просьбу профессора, а Я.Д. Коблов сумел использовать свой огромный педагогический и практический опыт, приобретенный еще в Казани. В 1923/24 академическом году в результате вузовской «чистки» Коблов, как бывший миссионер, был лишен должности доцента, ущемлен в своих правах и был вынужден работать преподавателем русского

языка на Владивостокском вечернем рабочем факультете. К сожалению, дальнейшая судьба научной, административной и образовательной деятельности ученого теряются в корнях трагической истории того периода.

По роду своей профессиональной деятельности Я.Д. Коблову удалось создать интересные этнографические работы о народах Среднего Поволжья, которые представляют огромный интерес для современных исследователей [15]. В ходе многочисленных поездок по деревням и селам Казанской губернии ему удалось собрать значительный этнографический материал о многонациональном народе Казанской губернии [16], их культуре, быте, религиозных верованиях [17], системе образования [18] и учебных заведениях [19]. В своих работах он уделяет значительное внимание изучению деятельности мусульманского духовенства [20], конфессиональным школам татар [21], их мифологии [22], татарским мусульманским праздникам [23], религиозным обрядам и обычаям [24] и т.д.

В процессе многолетнего проживания различных национальных и конфессиональных групп в едином этнокультурном пространстве происходило постепенное взаимопроникновение культур, некоторых национальных и бытовых традиций, религиозных обрядов. Для многих нерусских народов, исповедующих различные религии и в течение столетий проживающих в непосредственной близости, некоторые обычаи и обряды других этноконфессиональных групп сельского населения со временем переставали восприниматься как небогоугодное дело. В этом отношении особый интерес представляет проникновение в культурно-бытовую среду татарской деревни некоторых православных праздников. Так, подтверждение этому мы находим в работе Я.Д. Коблова «О татарских мусульманских праздниках» [23]. Он отмечал, что в селениях со смешанным населением мусульмане празднуют православные праздники, не придавая им религиозного значения. В качестве примера он приводил деревни Тетюшского уезда Казанской губернии, в которых отмечали Покров, а также Свияжского уезда, в которых праздновали день Тихвинской Божьей матери и др.

Среди праздников, которые отмечали татары, он выделяет торжества, связанные с сельским хозяйством, – Сабантуй и Джиин. Рассматривая их, Коблов указывает на многонациональный характер мероприятий. Так, сабантуй, отмечает он, – «самое веселое время у татар-мусульман. Поэтому на это празднество всегда стекается народу очень много, бывают и иноверцы – русские и др.» [Там же. С. 37–38]. Сабантуй отмечали весной в течение недели непосредственно перед началом полевых работ. В этот день жители деревень собирались на лугу или в поле и начинали праздновать. Сабантуи проходили очень весело и шумно, устраивались различные игры и конкурсы, в которых многонациональный народ соревновался в борьбе, беге, скачках на лошадях и др. Как правило, народный праздник сочетался с ярмарками и базарами. Другим популярным у

народа праздником считался Джиин. На нем также присутствовали представители различных народов, отмечали его летом перед началом жатвы. В этот день проводились ярмарки, а веселые гуляния сопровождались многочисленными конкурсами и играми. Совместное времяпрепровождение было характерным и для религиозных праздников.

Я.Д. Коблов по специфике своей профессии, будучи епархиальным противомусульманским миссионером, уделял большое внимание проблемам религиозно-нравственного состояния татар в мусульманской общине (махалля). Он отмечал, что огромное влияние на формирование и развитие мусульманских общин, на осуществление их функций и деятельность религиозных институтов в дореволюционный период оказывали муллы. Они совершали все обряды жизненного цикла (имянаречение, бракосочетание и захоронение усопших и др.), выступали в качестве судей по гражданским делам, были учителями и являлись духовными авторитетами для членов руководимых ими религиозных общин.

Фигуре муллы в жизни мусульман Среднего Поволжья Я.Д. Коблов придавал большое значение, свои взгляды и рассуждения он изложил в своей работе «О магометанских муллах (религиозно-бытовой очерк)» [20]. «...Муллы, – писал он, – являются главными представителями мусульман как в духовных, так и в житейских делах и имеют огромное влияние на паству» [Там же. С. 12]. Основываясь на своих наблюдениях, миссионер описал повседневные обязанности муллы, его жилище, уровень жизни, степень влияния на членов своих общин. Данный труд Коблова является ярким историческим свидетельством о жизни мусульман Поволжья, религиозной деятельности и быте духовных лиц в конце XIX – начале XX в., дает общую характеристику духовенству и татарскому народу с миссионерских позиций.

Содержание образования, учебный процесс, внутренний распорядок медресе и мектебов Я.Д. Коблов подробно описывает в работе «Конфессиональные школы казанских татар» [21]. Ученый обращает внимание на некоторые дидактические особенности старометодного медресе. Этот труд написан им в период позднего развития кадимистской системы, когда уже шла общественная оценка новометодных школ, поэтому содержит интересные сведения о целях образования, однако сквозь призму миссионерской пропаганды распространения среди татар русско-татарских училищ, что соответствовало интересам государственной политики ассимиляции и интеграции мусульманских народов на основе православия и русского языка.

Свои наблюдения за тюркскими и финно-угорскими народами Я.Д. Коблов обобщил в работе «О татаризации инородцев Приволжского края», с которой в качестве докладчика выступил на миссионерском съезде в г. Казани 13–26 июня 1910 г. Как следует из названия работы, татары стали главным предметом исследова-

ния. «Татары-магометане, – отмечал он, – среди инородческих племен Приволжского края занимают господствующее положение. Они превосходят других инородцев численностью, твердостью своих религиозных воззрений, устойчивостью и постоянством обычаев и нравов, сложившихся у них под влиянием магометанской религии. Влияние татар-магометан на соседние инородческие племена – чуваш, черемис и вотяков – вполне понятно и не может вызывать особенного удивления. Здесь сказывается общеизвестный исторический закон, по которому из двух народов или племен тот народ или то племя подчиняет себе своего соседа, которое сильнее и в физическом отношении, а главное по своему культурному, духовному развитию. Этот закон, как нельзя лучше, находит свое воплощение и осуществление в жизни наших инородцев. Татары, как национальность по сравнению с другими инородческими племенами наиболее сильная, подчиняют своему влиянию национальности слабые, мало способные, мало развитые, обезличивают их и объединяют с собой» [16. С. 3].

Одной из самых главных причин татаризации народов Среднего Поволжья и распространения среди них ислама, по мнению Коблова, являлось совместное проживание с татарским населением. Другим немаловажным фактором «отатаривания» народов Среднего Поволжья и распространения среди них ислама является создание сети модельных учреждений и развитие просвещения и образования. Основная задача татарской школы, по его мнению, заключается прежде всего в изучении учения ислама и формировании на ее основе у учащихся религиозного мировоззрения и мирозерцания, «с которым ученик остается на всю жизнь и о котором разбиваются всякие попытки расширить его кругозор или вообще повлиять на него в том или ином отношении. Важно здесь не количество познаний, а та стойкость и убежденность в своих воззрениях, та уверенность в правоте своих верований, доходящая до фанатизма, с которыми выходит магометанин в жизнь и которые у других наций не вырабатываются в питомцах школ даже высшего общеобразовательного типа» [Там же. С. 8].

В своей работе Я.Д. Коблов уделяет большое внимание рассмотрению деятельности мусульманских мулл и проповедников среди крещеных и некрещеных тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья (чувашей, марийцев, удмуртов и др.). «Муллы в татарской деревне, – отмечал он, – все: совершитель молитвенных обрядов, учитель детей, советник во всех житейских делах и даже судья. Неудивительно, что муллы пользуются в татарских деревнях огромным влиянием. Благодаря этому религиозное настроение магометан, их убежденность и устойчивость в своих взглядах, полученных в школе, не ослабевают, а, наоборот, под умелым руководством мулл – закрепляются в них на всю жизнь и усиливаются. Вот те существенные отличительные черты в жизни и воззрениях татар-магометан, которыми можно объяснить их влия-

ние на инородцев и успех их пропагандистской деятельности» [Там же. С. 9].

Я.Д. Коблов, приводя в своей работе многочисленные примеры пропагандистской деятельности татар, отмечает равнодушие русского населения к приобщению к православной религии приверженцев других религиозных верований, и даже враждебность и неприязнь к ним: «В противоположность татарам русские не стараются сблизиться с инородцами; проявляют к ним, по большей части, прямо-таки враждебное отношение, награждая их при всяком случае не особенно лестными названиями» [Там же. С. 13]. При таком отношении русских к представителям других народов, по мнению Коблова, не может идти речи о сближении и дружбе. Насмешки, ругательства, притеснения вызывали ответную реакцию тюркских и финно-угорских народов, и отнюдь не положительную для гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений. Таким положением дел умело пользуются татары. Они приобщают народы Поволжья к татарскому языку, обычаям и нравам, становятся семейными учителями, обучая мусульманским молитвам, обрядам и татарской грамоте, строят мечети, помогают материально.

В Среднем Поволжье татаризации и исламизации подвергались все народы, но, в отличие от крещеных татар, это проходило не в таких массовых масштабах. «Влияние ислама между язычниками – чувашами и черемисами, – писал Коблов, – начинает прогрессивно обнаруживаться и дает себя чувствовать повсеместно, где они живут совместно с татарами или окружены ими. К разряду окончательно отатарившихся можно отнести чуваш Тетюшского уезда, деревень: Кукшим, Белая Волошка, Утеево-Биково, Сугуты. С большим доброжелательством относятся к татарам и усваивают их обычаи чуваш Чистопольского уезда, например, деревни Татарской Сунчелеевой, живущее совместно с татарами, и деревни Салдакаевой Тюряньского прихода, где были уже примеры отпадения в магометанство. В положении окончательно отатаривающихся, хотя и сохранивших некоторые признаки национальных черт, оказываются чуваш многих сел и деревень Цивильского уезда, например, деревни Тенеевой Гипшинского прихода, где уже построена мечеть, деревни Полевое Байбахтино Кошелеевского прихода, жители которой в 1905 г. подавали прошение об отчислении их в ислам, и деревни Водоял (Суты), Ново-Чурагпевского прихода, где можно наблюдать среди чуваш примеры двоеженства по обычаю татар» [Там же. С. 21].

Не в меньшей степени, если не в большей, чем чуваш, по мнению Коблова, подвержены влиянию татар марийцы Казанской губернии (восточная часть Царевкокшайского уезда, Казанского и Мамадышского уездов, марийцы Бирского и Мензелинского уездов Уфимской губернии и части Малмыжского уезда Вятской губернии).

Я.Д. Коблов дает характеристику религиозного состояния всех тюркских и финно-угорских народов

Среднего Поволжья. По замечанию исследователя, все они испытывали серьезное влияние со стороны татар-мусульман. Однако в самом тяжелом положении находились удмурты, особенно удмурты Мамадышского уезда Казанской губернии. «Эта народность, – писал он, – ослабившая свои физические и духовные силы непомерным употреблением национального напитка “кумыжски”, является наиболее податливой в отношении татарского влияния. Религиозное состояние вотяков Мамадышского уезда, в виду того, что они со всех сторон окружены татарами, крайне печально. Многие из них склонны к исламу, почти все они говорят по-татарски. Вотяки же некоторых приходов окончательно и бесповоротно отатарились. Таковы, например, жители деревень Старая Русь, Важетур Уряс Учинского прихода, некоторые из деревень Нырбинского прихода. Они все более или более утрачивают свои национальные черты – язык, костюм и все обычаи, и даже стыдятся и обижаются, когда их называют вотяками. Во всех отношениях они желают уподобиться татарам, включительно до усвоения магометанской религии» [16. С. 24–25]. Не в лучшем нравственно-религиозном положении, по мнению исследователя, находились и удмурты других губерний.

Фактически из доклада казанского противомусульманского и противоязыческого миссионера Казанской епархии Я.Д. Коблова следует, что мероприятия Российского государства и Русской православной церкви, направленные на русификацию и христианизацию народов Среднего Поволжья, не достигли ожидаемых результатов. Действия русских миссионеров натолкнулись на активное, хорошо организованное и массовое противодействие со стороны татарского народа, подчинившего своему просветительскому и культурному влиянию тюркские и финно-угорские народы Волго-

Камья. Сам Я.Д. Коблов писал по этому поводу: «Как видно из краткого обозрения религиозного и бытового состояния инородцев Приволжского края, пропагандистская деятельность татар-магометан идет вполне успешно и достигает более чем удовлетворительных результатов. Если дело так будет продолжаться и дальше, то грозит опасность полной татаризации если не всех, то значительной части инородцев Приволжского края. И вместо разрозненных мелких народностей в недалеком будущем мы увидим сплоченную фанатичную магометанскую массу. Ведь на таком положении, как приволжские инородцы, находились некогда киргизы и башкиры, а теперь они уже не отделяют себя от татар и действуют с ними совместно и вполне единодушно. В настоящее время в Бирском уезде Уфимской губернии трудно различить татарина, башкирина и черемисина; все они выглядят татарами. На ту ступень, на которой находятся теперь киргизы, башкиры и части черемисы Бирского уезда, могут стать и другие инородцы, что поведет их уже к окончательной татаризации» [Там же. С. 26].

Таким образом, Яков Дмитриевич Коблов своей практической деятельностью и обширным творческим наследием внес значительный вклад в изучение этнографии финно-угорских и тюркских народов Среднего Поволжья. Многие современные исследователи обращаются к трудам ученого, поскольку они иногда являются единственным источником информации о жизни простого народа. В своих трудах он с миссионерских позиций анализировал причины татаризации и исламизации народов Среднего Поволжья и методы борьбы с ним. Как ученому ему удалось собрать значительный этнографический материал о многонациональном народе Казанской губернии, их культуре, быте, религиозных верованиях, системе образования и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильминский Н.И. Казанская крещено-татарская школа. Материалы для истории просвещения. Казань, 1887.
2. Малов Е.А. О крещеных татарах (из миссионерского дневника). Казань, 1891.
3. Остроумов Н.П. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии. Казань, 1876.
4. Машанов М.А. Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Казань, 1875.
5. Жузе П.К. Мутазилиты. Догматико-историческое исследование в области ислама. Казань, 1899.
6. Коблов Я.Д. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан (При наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похороны.) Казань, 1908.
7. *Batunsky M.* Russian missionary literature on islam // *Zeitschrift für Religions und Geistesgeschichte.* 1987. № 38.
8. Бердников И.С. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за 50 лет ее существования. 1842–1892 гг. Казань, 1892.
9. Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. 1906. № 18.
10. Царевский А.А. 50-летний юбилей Казанской духовной академии. Казань, 1893.
11. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за I дореформенный период его существования. 1842–1870. Казань, 1892. Вып. II.
12. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 463.
13. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 827.
14. Чикурова О.В. «Без педагогической подготовки нельзя быть учителем» (Профессор Я.Д. Коблов и создание кафедры педагогики в Дальневосточном университете) // Гасырлар авазы. 2014. № 1–2. С. 251–257.
15. Коблов Я.Д. Граф Л.Н. Толстой и мусульмане (по поводу переписки Л.Н. Толстого с казанскими татарами). Казань, 1904.
16. Коблов Я.Д. О татаризации инородцев Приволжского края // Миссионерский съезд в г. Казани 13–26 июня 1910 года. Казань, 1910.
17. Коблов Я.Д. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан (При наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похороны). Казань, 1908.
18. Коблов Я.Д. Мечты татар-магометан о национальной общеобразовательной школе. Казань, 1908.
19. Коблов Я.Д. Татарские мусульманские школы (медресе) // Церковно-общественная жизнь. 1906. № 9.
20. Коблов Я.Д. О магометанских муллах. Религиозно-бытовой очерк. Казань, 1907.
21. Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916.
22. Коблов Я.Д. Мифология казанских татар. Казань, 1910.

23. Коблов Я.Д. О татарских мусульманских праздниках. Казань, 1907.
 24. Коблов Я.Д. Народные представления магометан о рае и аде. Казань, 1907.

Khabibullin Mars Z. Institute Tatar Encyclopedia and Regional Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation). E-mail: kazanmars@rambler.ru

**THE PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE PERSPECTIVE OF HISTORICAL-RELIGIOUS STUDIES
 YAKOVA DMITRIEVICHA KOBLOVA.**

Keywords: Ya.D. Koblov; Kazan Theological Academy; ethnography; the people of Russia; the missionary department.

In recent decades the study of the history, ethnography, cultural heritage and languages and peoples of Russia takes on important theoretical and practical significance. Increasingly, the attention of scientists, politicians turned to the problems of historical and ethnographic character, to the processes of cultural development of Russia in pre-revolutionary and Soviet periods. In this respect the appeal to the experience of large scientific and educational center of Russia – Kazan Theological Academy is very important and relevant. It is not coincidence, because it is here in the second half of XIX – early XX centuries he conducted research on the history, ethnography, culture and languages of the Finno-Ugric, Turkish and Mongolian peoples of the Volga region, the Urals and Siberia. Teachers and only Russian missionary offices professionally studied the history and teachings of Christianity, Islam, Buddhism, pagan beliefs and peoples. It should be noted that the study of religious systems and languages of non-Russian peoples have acquired here features peculiar to "Kazan school" with its practical missionary orientation. Fulfilling the state order to conduct large-scale missionary policy on the basis of the Russian language and Orthodoxy, teachers and graduates of the Academy has managed to produce only its inherent methods and techniques of research, to create interesting works on the history and Ethnography. Here are put into practice new ideas and formed a galaxy of talented scholars, including N.I. Ilminsky, E.A. Malov, N.P. Ostroumov, M.A. Mashanov, P.K. Jousset, J.D. Koblov, etc. Among the graduates of the missionary anti-Islam Department outstanding theologian, social activist, teacher – J.D. Koblov (1876-?). In 1900–1908. J.D. Koblov worked as a Kazan anti-Islam and anti-Paganism missionary of the Kazan diocese, in 1908–1914 as an inspector of national schools of Kazan county of Kazan province, 1914 – the Kiev educational district, 1920–1924 – Professor of the Far Eastern State University. J.D. Koblov managed to create an interesting ethnographic work about the peoples of the Middle Volga region, which are of great interest to modern researchers. During numerous visits to the villages of the Kazan province, he was able to gather a wealth of ethnographic material on multinational people of Kazan province, their culture, way of life, religious beliefs, education system and educational institutions. In his works he pays considerable attention to the study of the activities of the Muslim clergy, confessional schools of Tatars, their mythology, Tatar Muslim holidays, religious law and customs, etc. As a scientist he was able to gather a wealth of ethnographic material on multinational people of Kazan province, their culture, way of life, religious beliefs and the education system, etc.

REFERENCES

- Ilminsky, N.I. (1887) *Kazanskaya kreshcheno-tatarskaya shkola* [The Kazan baptized Tatar school]. Kazan: V.M. Klyuchnikov.
- Malov, E.A. (1891) *O kreshchenykh tatarakh (iz missionerskogo dnevnika)* [About baptized Tatars (from the missionary's diary)]. Kazan: Typography of the Imperial University.
- Ostroumov, N.P. (1876) *Pervyy opyt slovary narodno-tatarskogo yazyka po vygovoru kreshchenykh tatar Kazanskoy gubernii* [The first experience of the People's Dictionary of the Tatar language based on the dialect of the baptized Tatars of Kazan province]. Kazan.
- Mashanov, M.A. (1875) *Zametka o religiozno-nravstvennom sostoyanii kreshchenykh tatar Kazanskoy gubernii Mamadyshskogo uyezda* [A note on the religious and moral state of the baptized Tatars of Mamadyshsky County, Kazan province]. *Izvestiya po Kazanskoy eparkhii*. 1st January. Kazan.
- Zhuze, P.K. (1899) *Mytazilya. Dogmatiko-istoricheskoe issledovanie v oblasti islama* [The Mutazilia. Dogmatists and historical research of Islam]. Kazan: V.M. Klyuchnikov.
- Koblov, Ya.D. (1908) *Religioznye obryady i obychai tatar-magometan. (Pri narechenii imeni novorozhdennomu, svadebnye obryady i pokhorony)* [Religious rites and customs of the Tatars-Moslems. (Naming the newborn, wedding ceremonies and funerals)]. Kazan.
- Batunsky, M. (1987) Russian missionary literature on Islam [Russian missionary literature on Islam]. *Zeitschrift fur Religions und Geistesgeschichte*. 38.
- Berdnikov, I.S. *Kratkiy ocherk uchebnoy i uchenoy deyatel'nosti Kazanskoy dukhovnoy akademii za 50 let ee sushchestvovaniya. 1842–1892 gg.* [A brief sketch of the educational and scientific activities of the Kazan Theological Academy for 50 years. 1842–1892] Kazan.
- Anon. (1906) *Missionerskoe otdelenie pri Kazanskoy dukhovnoy akademii i vnutrennyaya missiya v Rossii* [The Missionary Department of the Kazan Theological Academy and the internal mission in Russia]. *Tserkovno-obshchestvennaya zhizn'*. 18.
- Tsarevsky, A.A. (1893) *50-letniy yubiley Kazanskoy dukhovnoy akademii* [The 50th anniversary of the Kazan Theological Academy]. Kazan, 1893.
- Znamensky, P.V. (1892) *Istoriya Kazanskoy dukhovnoy akademii za I doreformenny period ego sushchestvovaniya. 1842–1870* [The history of the Kazan Theological Academy in the 1st pre-reform period. 1842–1870]. Kazan: Imperial University.
- The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 10. List 1. File 463.
- The National Archives of the Republic of Tatarstan (NA RT). Fund 10. List 1. File 827.
- Chikurova, O.V. (2014) "Bez pedagogicheskoy podgotovki nel'zya byt' uchitelem" (Professor Ya.D.Koblov i sozdanie kafedry pedagogiki v Dal'nevostochnom universitete ["It is impossible to be a teacher without teacher training" (Professor Ya.D.Koblov and formation of the Department of Pedagogy in the Far Eastern University)]. *Gasyrlar avazy*. 1-2. pp. 251-257.
- Koblov, Ya.D. (1904) *Graf L.N.Tolstoy i musul'mane (po povodu perepiski L.N.Tolstogo s kazanskimi tatarami)* [Count Leo Tolstoy and the Muslims (about Leo Tolstoy's correspondence with the Kazan Tatars)]. Kazan: Imperial University.
- Koblov, Ya.D. (1910) [About tatarization of foreigners in Volga Region]. *Missionerskiy s'ezd v g. Kazani* [Missionary Congress in Kazan]. Kazan. 13th to 26th June 1910. Kazan. (In Russian).
- Koblov, Ya.D. (1908) *Religioznye obryady i obychai tatar-magometan. (Pri narechenii imeni novorozhdennomu, svadebnye obryady i pokhorony)* [Religious rites and customs of the Tatars-Moslems. (Naming the newborn, wedding ceremonies and funerals)]. Kazan.
- Koblov, Ya.D. (1908) *Mechty tatar-magometan o natsional'noy obshcheobrazovatel'noy shkole* [Dreams of Tatars Mohammedans about the national secondary school]. Kazan.
- Koblov, Ya.D. (1906) *Tatarskie musul'manskije shkoly (medrese)* [Tatar Muslim schools (madrassas)]. *Tserkovno-obshchestvennaya zhizn'*. 9.
- Koblov, Ya.D. (1907) *O magometanskikh mullakh. Religiozno-bytovoy ocherk* [About Mohammedan mullahs. A religious and household survey]. Kazan: Iman.
- Koblov, Ya.D. (1916) *Konfessional'nye shkoly kazanskikh tatar* [The confessional schools of the Kazan Tatars]. Kazan: Central Typography.
- Koblov, Ya.D. (1910) *Mifologiya kazanskikh tatar* [Mythology of the Kazan Tatars]. Kazan: Imperial University.
- Koblov, Ya.D. (1907) *O tatarskikh musul'manskikh prazdnikakh* [About the Tatar Muslim holidays]. Kazan', 1907.
- Koblov, Ya.D. (1907) *Narodnye predstavleniya magometan o rae i aде* [The Mohammedans understanding of heaven and hell]. Kazan.